

Пишу эти строки в дни столетия кинооператора Анатолия Головни.

Сначала – напоминание о том, что уже вошло в учебники по истории кино. Еще в немом кино Анатолий Головня участвовал в создании фильмов Всеволода Пудовкина "Мать", "Конец Санкт-Петербурга", "Потомок Чингисхана" (1926 – 1928 годы). В них закономерно соединялась психологическая характеристика персонажей с масштабностью съемок, событий нашего бурного века. На лучших фильмах А. Головни лежал отпечаток молодости, порыва, бесстрашия перед поиском. В наибольшей степени все это относится, прежде всего, к немым картинам, что не умаляет достоинств операторского решения в таких звуковых фильмах, как "Дезертир" или "Суворов". В истории кино имя Головни стоит в одном ряду с именами классиков изобразительного решения фильмов – Москвина, снимавшего картины Козинцева и Трауберга, Эйзенштейна; Демущего; работавшего с Довженко над его фильмами "Звенигора", "Земля" и "Арсенал".

Выдающееся место принадлежит Анатолию Дмитриевичу в кинопедагогике. Он автор книг "Мастерство кинооператора", "Композиция кинокадра" и других. Его предшественником по кафедре операторского мастерства был Владимир Нильсен, ставший жертвой известных репрессий, – его имя замалчивалось в те годы. Но не Головней.

Во ВГИКе мне запомнились жесткость, решительность, ясность и справедливость Анатолия Дмитриевича Головни как педагога и руководителя кафедры. Многие, в том числе и я, и не подозревали, что в этом человеке с железным характером бьется сердце, открытое для любви, для понимания другого человека, открытое к восприятию полутонов в мире чувств.

Сложилось так, что его правнучка Екатерина Головня стала моей студенткой, и в ее дипломном сценарии художественно-документального фильма "Анатолий Головня и его женщины" – ценные письма ее прадеда. Он их посылал в лагерь своей бывшей жене Любе Ивановой (ставшей женой Б. Бабичко, генерального директора "Мосфильма", расстрелянного в годы репрессий). Кроме писем, он отправлял посылки с продовольствием и деньгами, в нормах, установленных для заключенных "АЛЖИРа" (расшифровка такова – Акмолинский лагерь жен изменников родины). И еще одно дополнение: об этом же внучкой А.Д. Головни Евгений Головня, слушавший мои лекции на Высших Курсах сценаристов и режиссеров, был снят документальный фильм "Изменицы".

Защита дипломного сценария Кати Головня явилась радостным событием в жизни ВГИКа. На заседании ГЭКа единодушно отмечались новизна сценария, талантливость. Приведу несколько выдержек из большого количества писем, вошедших в сценарий Кати Головня.

Вот первое письмо от 1938 года: "Здравствуй, дорогой Люк! Я был всегда уверен в твоей бодрости и жизнестойкости. Ты можешь быть совершенно спокойна за судьбы детей, как Оксаниной, так и Алеши (чудный па-

2000. -
март
(-8)
93.

Известный неизвестный Головня

реня, мне он очень нравится). О дочке буду писать тебе часто и подробно. Все фото vyšло, как только будут сделаны. Я только вчера вернулся из экспедиции, осталось дней десять работы, съезжу на Волгу и к числу 10 августа все отсниму, 16 сентября картину сдаем, получается хорошо. Освобожусь, пойду по учреждению и я хлопотать о тебе. Думаю, чего-нибудь добьюсь.

Для меня Оксана – весь смысл жизни, и я ее люблю. Мы очень дружим. С Ирой я разошелся, она вышла замуж за какого-то кретина. Живет в Ленинграде, пишет, что хочет обратно. Но я думаю пожить один, хватит с меня одного сумасшедшего на производстве; и держать еще дома, даже я не могу выдержать. Сначала была любовь, а теперь нету. Ищу в себе там чего-нибудь и не нахожу.

Мои успехи. Получил совершенно официальное звание профессора, ведая кафедрой во ВГИКе. Снимаю, годворят, неплохо. Играю в теннис, футбол, читаю стихи, пишу книжку, помещаю статьи, горькое пью вино, выгляжу опять же, как бычок – вообще все нормально, возбуждаю в других зависть "неувядающей красотой" и жизнестойкостью, как всегда, умею не иметь забот, за что, очевидно, жены меня и бросают. Ира говорит, что я "идеал", но жить со мной невозможно, неужели я должен ходить на бульвар, чтобы быть хорошим мужем? Очевидно, не буду. Девушки любят, и с меня хватит, лишь бы недорого, и не переставали в комнате мебель. Целую тебя, желаю бодрости. Толя".

Вот еще одно письмо: "Дорогая Люка! Я, конечно, очень виноват, что тебе не писал, но я был в экспедиции. Сейчас картина окончена, принята очень хорошо дирекцией и комитетом, сейчас печатаю копию в ближайшее время буду смотреть в Кремле. После сдачи я буду свободен, и вот, если ты хочешь и это возможно, я могу к тебе приехать, даже если тебя куда-нибудь переведут.

Дочь чудесная, скоро с тебя будет ростом, и хорошенькая, самое же главное, что умная и умеет себя вести. Она за этот год стала совершенно взрос-

лой и самостоятельной, кормит меня завтраками собственного приготовления. Живем мы с ней дружно. Лично я тружусь много, к своим занятиям решил прибавить, кроме профессора, еще и доктора наук.

Теперь о моем образе жизни, который тебе внушает беспокойство. Во-первых, я прекрасно учитываю присутствие дочери, во-вторых, я не хочу жениться, ну, характер такой. Если у меня бывают знакомые, очень редко вечером, то дочь всех знакомых знает, и их приход для нее вполне естествен. Приходят пить чай, пусть даже иногда вино, что для нее также просто, что взрослые сидят дольше, чем она.

Целую тебя нежно, твой друг Толя. Не скучай, родная, будь бодрой, все твои с тобой".

В сценарии "Анатолий Головня и его женщины" использованы хроника, фотографии, рабочие моменты съемок, рисунки, факсимильный текст писем, и все это образует художественное целое, характеризующее автора писем, его интересы, настроение в семье. Из писем отчетливо видно, что террор, обрушивающийся на семью, не разрушил ее внутренние связи. Дочка Анатолия Дмитриевича Оксана, внучка Евгения и правнучка Екатерина, выходя замуж, сохранили фамилию Головня. Сохранилось почитание и любовь. Важно и то, что эти документы сохранились в семье в те годы, когда подвергался осуждению сам факт общения с заключенными.

И еще – о пути Кати к этому сценарию. В нашей сценарной мастерской во ВГИКе мы жили все пять лет обучения одной жизнью и всегда стремились к прямоте, ответственности решений по поводу каждого студента. Катя Головня из года в год пробовала себя в разных жанрах, в каждой ее работе содержалось что-то интересное и обещающее, но лишь в частностях. И только на последнем году обучения все как бы высветлилось – возник этот биографический сценарий. Думаю, что это был процесс нахождения самой себя.

Без этого нет искусства.

Илья ВАЙСФЕЛЬД

● А. Головня. 1927 год Из семейного архива